

В «Слове» несколько раз упоминаются языческие боги: Велес, Дажьбог, Стрибог, Хорс. Вместе с тем «Слово» явно написано поэтом-христианином: Игорь по своем возвращении из плена едет к церкви Богородицы Пирогощей. Как же совмещаются в авторе «Слова» язычество и христианство? Это совмещение очень типично для Древней Руси. Его принято называть двоеверием.

Что такое это двоеверие? Простое соединение двух вер вряд ли вообще возможно, тем более что христианство в XII в., как и в последующем веке, активно боролось с языческой религией, с ее остатками в народе. Элементы язычества начали приходить в соединение с христианскими верованиями только тогда, когда они перестали осознаваться в народе как противостоящие христианству. Язычество как система верований, притом враждебная христианству, должно было исчезнуть прежде, чем могло появиться двоеверие. Это исчезновение язычества как последовательной системы верований могло совершиться только спустя известное время после победы христианства: не ранее конца XI — начала XII в.

Просматривая церковные обличения язычества с XII по XVII в., мы заметим, что в них осуждается не вера в язычество богов, а исполнение языческих обрядов. А это далеко не одно и то же. Языческий обряд не только в XII в., но и гораздо позже продолжает жить в народе, независимо от самого язычества: он постепенно приобретает игровую, раз-

влекательную и эстетическую функцию; обрядовая песнь становится фактом эстетического сознания в большей степени, чем религиозного. Именно этим переключением языческого обряда в сферу народной эстетики и малоосознанного суеверия и объясняется, с одной стороны, его живучесть (в отдельных случаях вплоть до XX в.), а с другой — легкость, с которой он вступает в связь с обрядовой стороной христианской религии. Такое переключение языческой обрядности не могло совершаться в конце X — начале XI в., когда связь между языческим обрядом и языческой религией как религией, противостоящей христианству, ощущалась еще слишком сильно. Оно стало реальным фактом начиная только с периода феодальной раздробленности, когда христианизация населения сделала особенно большие успехи.

Конечно, речь может идти лишь об отмирании веры по преимуществу в главных языческих богов (в Перуна, в Волоса, в Хорса, в Дажьбога и т. д.), воспринимавшихся как главные противники христианства. «Низшая» же мифология язычества — вера в домовых, род, рожениц и мн. др. — еще долго остается в сознании людей, утратив, впрочем, в значительной мере свою силу. Однако сознание единства совокупности отдельных верований, неизбежно присутствующее в каждой религии, если только она осознается как религия, утрачено уже навсегда. Никто из выполнявших в XII — XIII вв. языческие обряды и веривших в род, рожениц и домовых не противопо-

ставлял их христианству, как нечто равноправное ему, и в этом было одно из главных условий прочности так называемого двоеверия.

Густынская летопись, говоря о Коляде, сообщает: «Сему бесу в память простая чадь сходятся в навечерие рождества Христова, а поют песни некия, в них же аще о рождестве Христовом поминают, а болие Коляду беса величают». Конечно, «беса» и языческого бога распознал в Коляде летописец, «простая» же «чадь» пела Коляде «песни некия», выполняя веселый, традиционный обряд, не осознавая в полной мере его языческого характера, — потому-то и «поминала» в этих песнях о рождестве Христовом.

Вот почему и сам летописец, несмотря на весь свой христианский ригоризм, не прочь определить время описываемых им событий то языческим Корочуном (самый короткий день в году — солнцеповорот, сопровождающийся языческими обрядами), то языческой Радуницей (время поминовения умерших), то языческой Русальной неделей (также праздник поминовения умерших) и т. д. Он так же двоеверен, как и автор «Слова».

Автор «Слова» не верит в языческих богов так, как бы в них верил язычник. Для него языческие боги — это символы природы, художественные обобщения. Он одушевляет явления природы, деревья, солнце, ветер, реки, одушевляет даже города и их стены («Уныша бо градомъ забралы», — говорит автор, описывая последствия поражения Игоря). Он персонифицирует и одушевляет отвлеченные понятия: обиду, приобретающую образ девы с лебедиными крыльями, тоску и печаль — Карну и Желю.

Все эти одушевления, элементы анимизма и язычества в «Слове» — явления не столько религиозного, сколько художественного порядка.

Когда автор «Слова о полку Игореве» передает беседу Игоря с Донцом, он, конечно, не предполагает, что эта беседа

имела место в действительной жизни. Эта беседа — художественное обобщение, она символизирует в широком смысле дружественное отношение русской природы к Игорю. Природа поэтически, а отнюдь не реально оживает в «Слове». Это поэтическое одухотворение природы только генетически восходит к первобытному анимизму, но само по себе этим анимизмом не является.

Автор «Слова» только поэтически одухотворяет природу и только поэтически видит в ней живое существо, сочувствующее русским. Нельзя себе представить, чтобы автор «Слова» на самом деле верил в то, что деревья реально оплакивают юношу Ростислава, «съ тугою» приклоняясь до земли, что дева Обида реально «плескала» крыльями на синем море у Дона, что печаль действительно «текла» «среди земли» русских. Не может подлежать сомнению, что и языческие боги, упоминаемые в «Слове», — это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской, а не реальные культовые понятия. Автор «Слова» — христианин, а не язычник. Он не верит в языческих богов, как не верит в реальность разговора Игоря с Донцом.

Языческие боги — художественные образы, поэтические понятия. Автор «Слова» называет ветры «Стрибожими внуками», говорит о русском народе как о «Дажьбожем внуке». «Велесовым внуком» он называет Бояна. Перед нами поэтические парафразы. Языческие образы приобрели для автора «Слова» художественное значение. Он пользуется этими языческими понятиями наряду с одушевлением природы — рек, деревьев, ветра, солнца. Вернее, языческие боги для автора «Слова» — это часть одушевленной природы. Это одухотворение чисто художественное и отнюдь не культовое.

Таким образом, в «Слове», как и в народном творчестве его времени, — на-

лицо отступление от язычества; многие языческие элементы осознаются как элементы чисто поэтические. В этом отношении «Слово о полку Игореве» отражает процесс разложения язычества и переход к двоеверию.

В научной литературе есть и другая точка зрения: предполагают, что автор

«Слова» верил решительно во все, о чем он пишет, и во всех языческих богов, которых он упоминает. Но вряд ли в XII в. язычество так твердо занимало все свои позиции. Автор «Слова» переходил уже к двоеверию и на многое в язычестве смотрел только как на художественное обобщение.

